

Хузангай, А. Во имя...

Quern honoris causa nomino

Во имя...

о ком я с уважением упоминаю... (лат.)

Метатекст

Стал я в тень — у полога густого,

Где в ладонь казались толщиной

Листья дерева того святого,

Что возшло до неба надо мной.

Давид Кугультинов, В тени дерева бо".

...Уходит год Хузангая, год его 90-летия. Подходит к концу и 20-е столетие, но, естественным образом, наводит на всяческие размышления, подведения итогов в отношении чувашской словесности, искусства, культуры в целом. Думаешь иногда и о том, что означало звание «народного поэта» в чувашской поэзии (не формально присваиваемое, а народный поэт де-факто) и что это звание означает сейчас.

Сейчас - время сумерек ("какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?" - Б. Пастернак), время сумеречных состояний души. Как правило, в такое время происходит девальвация каких-то базовых ценностей, в их числе и звания "народный поэт".

Тем не менее в чувашской словесности, в национально-поэтическом сознании всегда оставались "поэты высшего разряда" (□ □ лрестри поэтсем), к которым я смею отнести Кесьтентина Иванова (1890 - 1915), Сеспеля Мишши (1899 - 1922), Семена Эльгера (1894 - 1966), Мигулая Шелеби (1881 - 1945), Педэра Хузангая (1907 - 1970), Васyleя Митту (1908 - 1957). Может быть, Якку Ухсяя (1911 - 1986), хотя я субъективно сомневаюсь в последнем.

О ныне здравствующих народных поэтах Чувашии я бы предпочел пока умолчать, но в основном они, конечно, в ряд, обозначенный выше, не вписываются. Aigu, как le poete maudit, или же e'enfant terrible, это тоже

особая деконструкция. Впрочем, о нем я уже писал много по самым разным поводам.

Есть один текст - выступление народного Республики Калмыкия - Хальмг Тангу Давида Кугультинова - на литературно-художественном вечере, посвященном 80-летию народного поэта Чувашии Педэра Хузангая. (ЦДЛ им. А.А. Фадеева, 25 марта 1987 г.), "который хорошо раскрывает, что значит быть "народным поэтом". Убежден, что он сохраняет свое значение в этой части и в наши дни.

"...Сегодня Педэр Хузангай, он как никто имел бы право глядеть каждому в глаза честными глазами, не думая, надо ли ему перестраиваться или не надо перестраиваться. Потому что он был поэтом рожден, поэтом остался, пройдя через тюрьмы, через войну, через все, чтобы сохранить на высоте, на космической высоте Андрияна Николаева, великое имя поэта, народного поэта. (Аплодисменты.)

Когда я говорил о том, что он прошел через тюрьмы, это не красное словцо. Он сидел в тюрьме, и потому что мы воспитаны были до этого, мы опускаем и этот момент из биографии поэта - не велено, не говорили, значит, и я не скажу? Но тот, кто хоть один день просидел в тюрьме, этот день унесет с собой в могилу, не забудет, унесет радостный, полагая, что этот тяжелый день никто-то другой, а он за него перестрадал.

Поэт должен страдать во имя идеала своего, поэт должен страдать во имя слова своего. И как сказал великий французский поэт Поль Элюар: "Пока существует на земле насильственная смерть, поэт первым должен принимать эту смерть". Таким был Педэр Хузангай.

Я познакомился с ним после возвращения из далеких краев, из норильских лагерей, попав туда, пройдя через Отечественную войну. И Педэр Хузангай словом своим, сочувствием своим, пониманием своим и своей какой-то виной будто бы передо мной, той виной, которая в строчках Твардовского "а все ж, а все ж, а все ж...", той виною он про ник в мое сердце. Он говорил: "Давид, ты ведь отвоевал, как и я". Я говорю: "Да, все,

народ". - "Но ты просидел!" Я говорю: "Ты раньше меня сидел". - "Но ты остался верен". Я говорю: "И ты ни одного часа не изменял поэзии, не изменял своим ленинским идеалам, был кристально чист в помыслах своих, и потому тебя любят, и потому тебе верит народ". А веру можно заслужить только готовностью отдать себя, свою жизнь во имя слова. Как говорил когда-то Александр Блок, должно быть у каждого "во имя". И этим "во имя" всегда был народ, родивший поэта.

И я благодарю этот народ, родивший Педэра Хузангая, Иванова, Сеспеля, народ, который родил Андрияна Николаева и дивную танцовщицу Павлову, народ, который сегодня можно выставить какой-то иной планете, каким-то инопланетянам, что, вот такие люди живут, на земле, познакомьтесь с этим народом и вы узнаете, инопланетяне, уровень культуры мыслящих, уровень культуры людей на земле. Я абсолютно в этом уверен, и я думаю, что для того, чтобы стал таким народ, трудился и Пушкин, трудился Ленин, трудился Педэр Хузангай. Спасибо вам!"

Текст был произнесен более десяти лет тому назад, и по нему можно попытаться проследить (хотя бы пунктиром) изменения, происшедшие в нашей политической семиологии за этот период. Знаковым словечком, безусловно, является "перестройка" (сейчас мы вместо него все талдычим "реформа, реформа..."). Космическая высота Андрияна Николаева, вероятно, приблизилась к нашей грешной земле, и мы уже не воспринимаем его как некоего небожителя (в чем автор этих строк имел возможность убедиться во время совместной поездки в Нью-Йорк в конце августа 1993 г.).

Но то, что сказано о страдании поэта "во имя", о насильственной смерти и насилиии вообще (война, лагеря, депортация калмыков), это аксиоматика для истинного поэта во все времена. И это тот "высокий уровень" разговора, который держит один народный поэт, говоря свое Слово другому народному поэту ("От правды я своей не отрекался, // Не отступал от своего стиха!..").

Имена чувашских культовых личностей, которые приводит в своем фрагменте Давид Никитич, также любопытны. Наверное, мы принимаем и приветствуем "звоном щита" Поля Элюара и Александра Блока. К. Иванову и М. Сеспелю, конечно, говорим да. Комбинация "дивной танцовщицы Павловой" и третьего космонавта Николаева, хотя и привычнее для нас, все же является советским клише. О тройственном трудовом усилии Пушкина, Ленина и Хузангая по созиданию чувашского народа можно спорить и спорить, но я абсолютно уверен, что в поэтическом сознании (идеологии) и моего отца, и Давида Никитича первые два имени действительно соединялись в некую, почти мистическую бинарную структуру (тому можно найти много подтверждений в стихотворных текстах обоих авторов). "Пушкин - певец свободы, Ульянов (Ленин) осуществил ее как бы в общественно-политической практике".

И последнее. Мы встретились с Давидом Никитичем во время всероссийской научно-практической конференции "Языки народов России: проблемы сохранения и развития" (Элиста, 12-14 мая 1993 г.), где он выступил с мудрым докладом "Язык как истина". Он подарил мне тогда свою книгу стихов "В тени дерева бо", которую я храню с тех пор как драгоценную реликвию (мантра: От Mani Padme Hum!).

Дай Бог поэту силы, мужества и остроты ума, дабы пережить нынешнее сумеречное время.

Республика. – 1997. – 18 дек. (№ 53). – С. 9.